

Не мешки

Автор:

Макс Фрай

Не мешки

Макс Фрай

Миры Макса Фрая

«Название этой книги отсылает нас к общеизвестной непечатной поговорке, смысл которой сводится к тому, что вербальный труд легче физического. Не хотелось бы вот так сразу соглашаться с народной мудростью, но знаете, положи руку на сердце, всё-таки – да. В книгу включены дневниковые записи и фрагменты из переписки с друзьями, сделанные в течение последних полутора лет».

Макс Фрай

Не мешки

Сет убивает Осириса, Ромул убивает Рема; в мифологии братоубийство – популярный сюжет. Штука однако не в том, что мальчишки любят драться; то есть, они любят, конечно, но тут есть и другой аспект.

Штука в том, что когда умирает твой очень близкий (в идеале, близнец, но есть ещё варианты), его смерть (и само умирание, и отчасти то, что сразу после) становится немножко твоей. То есть, оставшийся в живых всегда отчасти умирающий, а отчасти мёртвый, то есть ушедший совсем за предел. Для богов и героев полезное состояние, не только и даже не столько потому, что добавляет глубины (хотя добавляет), просто выдержать это интересное состояние

умирающего-всегда можно, только находясь в своей наивысшей октаве хотя бы половину проживаемого времени, лучше – больше, меньше – нельзя. И это уже не вопрос выбора (пока это вопрос выбора, мало кто сделает этот выбор, и не потому, что такой уж дурак, просто наша природа инертна, человеческий организм всегда старается сэкономить, особенно в области духа – сойдёт и так). Так вот, это уже не вопрос выбора, вернее, вопрос, но ровно настолько, насколько есть выбор у того, кто висит над пропастью: сжимать пальцы или не сжимать. То есть, этот выбор за нас делает инстинкт самосохранения, и – внимание! – переигрывает сам себя, побеждает другие свои проявления, не допускающие нас в наивысшую октаву собственного бытия. Очень красиво, на самом деле, как всякая змея, кусающая себя за хвост.

А находиться большую часть времени в своей наивысшей октаве (понятно, что она субъективна, у каждого своя, и меняется в течение жизни) – это уже такой уровень игры, что ради этого можно побыть и отчасти умирающим-мёртвым, и сокрушительно одиноким, как положено потерявшему близнеца (или почти-близнеца). Когда за это дают такие коврижки (ты сам становишься «такие коврижки»), нормальная цена. Собственно, вообще не цена, потому что жизнь в собственной высшей октаве – высшее же проявление божественной милости, которая – присутствие такой мощи, что какая-то твоя часть, умирая (она всегда умирает), будет благодарно стоять на коленях и колотиться башкой о пришедшего быть с ней рядом бога, как пьяный о парапет.

Штука в том, что у каждого есть свой предел (на самом деле нет, но в человеческом восприятии всё-таки да).

Низшая октава – предел т. н. «зла», т. е., удалённости от духа. Тупость, косность и прочее скотство, стремление мучить и разрушать всё, выходящее за рамки твоего понимания и т. п. У каждого из нас свои возможности в этой области, но надо понимать, что у любого своя собственная низшая октава неизбежно есть.

Высшая октава – предел максимально возможного приближения к духу. Этот предел, опять же, у каждого свой. И, что самое важное – сиюминутный. То есть, наш индивидуальный предел постоянно меняется. Никто не бывает всю жизнь

неизменно равен себе самому. И вектор перемен – то небольшое, что действительно зависит не от внешних обстоятельств (а от них зависит очень многое, не следует их недооценивать), а только от нас самих.

Т.е. вектор движения к духу или от него – единственный критерий «добра» и «зла», на который я опираюсь в своих рассуждениях. Обладая человеческим мозгом, можно только симитировать выход за пределы бинарной системы, выйти из неё по-настоящему получается на достаточно короткие моменты в результате, условно говоря, медитации (разных практик, на самом деле, кому чего), но в этом состоянии мы с вами не будем друг с другом словами говорить. Имеет смысл это учитывать и позаботиться о том, чтобы критерии «добра» и «зла», раз уж они всё равно неизбежны, были рабочими. Мои – рабочие, поскольку помогают ориентироваться в объективно существующей и, по большому счёту, единственно важной для человека (как для бессмертного сознания) системе координат.

А

And not much else

В интернете какое-то время назад была популярна шутка: «Человек, остро чувствующий свою боль (and not much else) – это, несомненно, герой нашего времени». Я даже примерно понимаю, в каком месте надо смеяться (ироничненько улыбаться), и всё ещё помню, почему.

Я понимаю, всем хочется, чтобы эти ужасные невыносимые окружающие, если уж почему-то пока не издохли, были удобными и наносили нам лютейший комфорт, а не крушили всё вокруг, эгоистично завывая от своей пустяковой боли. Мне, в общем, тоже приятно, когда окружающие как зайки себя ведут. Штука однако в том, что при определённом уровне боли (как физической, так и душевной) просто технически невозможно чувствовать что-то ещё. У каждого своя доза, в

смысле, свой предел, некоторым довольно мало надо, на некоторых не действуют традиционные обезболивающие. Мне это тоже не нравится, дайте мне другую Вселенную. Но в этой оно – пока так.

Короче, бывает невыносимая боль, как физическая, так и душевная, отвлекающая от заботы о комфорте окружающих; лучше поверьте на слово, что бывает, потому что нет на свете такого злодея, которому я пожелаю лично, на опыте убедиться в моей правоте.

По большому счёту, всё, что можно сделать с чужой болью – относиться к ней с уважением. Помнить, какую страшную власть она имеет над людьми, и хихикать пореже. Мы никогда не знаем, какими по счёту в очереди за невыносимой болью стоим.

Б

Баланс

С одной стороны, я знаю, что сознание бессмертно. Таким простым, естественным знанием, каким обычные зрячие люди знают, что в помещении сейчас светло (или темно).

С другой стороны, я совершенно осознанно позволяю сомнениям, даже откровенным неверию и отчаянию, порождённым скептическим умом в тандеме со слабостью безусловно смертного тела, регулярно меня одолевать и расшатывать единственную опору, которая может тут быть. Позволяю не потому, что не могу с ними справиться – на самом деле ещё как могу. Просто вести эту игру как последнюю, единственную и заранее безнадежно проигранную – ну, как минимум, очень красиво. И на энергии отчаяния (если

умеешь правильно её готовить) можно устроить отличный бадабум.

(Не пытайтесь повторить в домашних условиях. Неумело приготовленная энергия отчаяния – чистый яд, а бадабум всем делать не обязательно, для этого тут есть я.)

Без сахара

Когда я слышу (читаю) популярное выражение «сопли в сахаре», я хватаюсь за парабеллум (невидимый, но какой есть), и не потому, что оно выдаёт отсутствие вкуса и чувства языка, хотя выдаёт, и одного этого вполне достаточно для парабеллума. Но есть кое-что похуже. Регулярно долдонящий про «сопли в сахаре» делает нехилую заявку на лёгкое, походя, в полпинка, безопасное и приятное обесценивание чужих (и своих, естественно, мы всегда с себя начинаем, хоть и редко это осознаём) чувств.

Если кто ещё до сих пор не понял, этот наш человеческий мир вообще-то довольно страшное место. Здесь до хранища страданий для каждого припасено (индивидуально подобранных, чтобы проняло). То есть, это далеко не единственное качество/свойство реальности, но одно из самых заметных. Поэтому, если что-нибудь для кого-то может стать кратковременным утешением, пусть оно будет. Талдычить про «сопли в сахаре» – всё равно что таблетки в разгар мигрени у больного отнимать.

Что касается воспитания стойкости и крепости духа, оно дело хорошее. Но вы, что ли, всерьёз собираетесь чужих людей воспитать, обесценив их утешение? Вот прям вы – такое просветлённое гуру с бамбуковой палкой? Даже не смешно.

Если чужие наивные обезболивающие вас раздражают, прям спать не дают, ваши собственные дела очень плохи. Вы – несчастное унылое слабосильное говно. Сильный человек по умолчанию радуется, когда рядом с ним хоть немного

уменьшается боль (потому что сила = власть над миром, только не в том смысле, что можно всеми важно командовать с пьедестала, блистая на зависть знакомым, как это обычно себе представляют, а в том, что приходится всё это в себя вмещать).

Вообще, те, кто по всякому поводу любит поминать «сопли в сахаре», обычно просто порошу пока не нюхали, всех страданий – мамочка наругала по попе, нанеся неизгладимую травму на триста перерождений вперёд, или мальчику/девочке недостаточно сильно понравились, может даже вообще совсем не. Поздравляю, всё у вас ещё впереди, на этом месте раздаётся мой сатанинский хохот, призванный заглушить мой же ангельский плач.

Иногда бывает, что про «сопли в сахаре» талдычат те, кто порошу, наоборот, перенюхал, и этот порох сломал им хребет. Ну так, блин, делом займитесь. Сращивайте хребет обратно. Это возможно, хотя конечно гораздо труднее, чем других с высоты своего бесценного опыта поучать.

Не то чтобы выбор у нас непременно был между двумя крайностями, но если уж между крайностями выбирать, честное слово, лучше быть наивным чувствительным идиотом, падким на так называемые «сопли в сахаре», чем бесчувственным скотом. Первый не настолько оскорбительно выглядит с точки зрения мироздания. Строго говоря, вообще ни на сколько не оскорбительно, иногда даже вполне себе ми-ми-ми.

Благодатный огонь

Нынче вечером на улице Доминикану вокруг Храма Милосердия Божия внезапно (для меня по крайней мере) случилось возгорание Благодатного Огня, толкался народ со свечками, натурально было не пройти.

Не знаю, как они это устроили, потому что традиция православная, а храм католический; можно было бы списать на вполне обычный для нашего города прыжок во времени (Храм Милосердия Божия действительно был православным с 1821 по 1920 год), но для девятнадцатого века народ как-то слишком уж бойко селфился. И, по свидетельствам историков, при царе в драных джинсах мало кто решался в церковь ходить.

Так или иначе, а Благодатный Огонь бушевал на улице Доминикану, и это на самом деле очень трогательно выглядело, как будто застрявшие на нашем не в меру обитаемом острове души сигнализируют небу: мы тут, ааа, вокруг ужас-ужас, нам страшно-страшно, спасай!

Идея сама по себе отличная, только чтобы заметили с неба, свечи всё-таки недостаточно, хоть из самого Иерусалима по скайпу её поджигай, тут работает другая техника, требующая, конечно, воображения и сосредоточенности, но без них в нашем деле вообще никуда; я имею в виду, что если достаточно регулярно представлять себя горящим костром или хотя бы свечой (с огнём из макушки), там, на небе, нас наконец-то заметят. Но спасти всё равно не примчатся: хорошо же горит, от чего тут спасать.

Я смеюсь, но на самом деле не очень-то и смеюсь, потому что, во-первых, техника офигенная и вполне доступная (даже руками ничего делать не надо, а счастья практически с первой попытки полные штаны), а во-вторых, важны не все эти ваши смешные игры в «верю – не верю», а то, видят ли наше сияние там, высоко-высоко в небесах, в пространстве мифа, по ту сторону морока этэцэ.

Будьте как дети

Лето, жара, ранний вечер, окрестности Кофе-вана, ангел, отбрасывающий тень. В тени сижу я с эспрессо-тоником и курящие мужики из соседнего бара «Шпунька», места всем хватает, у ангела здоровенная тень.

Между ангелом и свиньёй-колесницей, которая с весны припаркована возле ангела, стоят четыре прокатных красных самоката, новая любимая городская игрушка. Удобство этих прокатных самокатов заключается, в частности, в том, что их можно где угодно оставлять.

К ангелу (и свинье) приходит приезжее туристическое семейство, включающее непрерывно делающую селфи усталую маму и троих очень бодрых дошкольных или младше-школьных детей, которые, как и положено нормальным детям, радостно верещат, бегают по ангельскому парапету в том месте, где он не занят нашими с мужиками из «Шпуньки» жопами, залезают верхом на свинью и просто прыгают, размахивая руками. В ходе веселья дети роняют один самокат, он задевает другие, и вот все четыре красных самоката лежат на земле, усталая мама что-то укоризненно лопочет, типа – как же вы так, а вот люди сидят, а вдруг самокаты их, а вы без спросу всё уронили. Дети смеются, как и положено детям. Семейство собирается уходить.

– Куда пошли? Сперва поднимите, что уронили! – сурово говорят детям курящие мужики из «Шпуньки».

Но только по форме сурово, а на самом деле, не очень, дети их даже не слышат. А если слышат, им плевать.

Мне ужасно лень включать педагога, но нельзя, чтобы в моём персональном культовом месте между Кофе-ваном, ангелом и свиньёй воцарился бардак из моих же персональных культовых красных самокатов. Поэтому я вздыхаю и говорю:

– Так, дети. Это не дело. Уронили, надо поднять, иначе нечестно.

Дети смотрят на меня во все глаза (они по-своему правы, есть на что посмотреть), приходят в состояние деловитого просветления, поднимают самокаты, старший мальчик даже правильно ставит их на тормоза.

– Круто! – говорю я ему. – Спасибо. Теперь можно идти.

Дети уходят, уводя за собой бурно фотографирующую маму, мужики из «Шпуньки» тоже на всякий случай уходят (но оно и понятно, они докурили уже). Мы с ангелом, свиньёй и красными самокатами остаёмся, довольные наведённым порядком и (особенно) собой.

В общем, дети – правильные чуваки. Они сразу понимают, что меня лучше слушаться, чем не слушаться. Вот просто так надо, и всё. Так что будьте как дети – для начала хотя бы в этом конкретном вопросе. А там – как пойдёт.

Быть психом

Я всегда допускаю, что могу оказаться обычным психом. Если вдруг оно так – ну, ничего не поделаешь, зато интересно живу. А для той части личности, которая боится оказаться посмешищем, потому что жаждет величия, у меня есть отмазка: смотри, как круто держусь, на людей не бросаюсь, слюни не пускаю, секту не организовываю, а когда шибко хочется проповедовать, выдаю это за безобидную беллетристику, на площадь орать не иду – какой обалденный самоконтроль!

На этом месте мой скептический ум растерянно зависает и громко гудит, а меня попускает, потому что, ну ёлки, и правда, какая разница, псих я или Пророк-с-Горы, если кроме опыта восприятия и его обработки сознанием у нас всё равно ничего толком нет. А самоконтроль – несомненная ценность, важная характеристика личности, и уж он-то у меня (пока не кусаю прохожих на улице) совершенно точно есть.

В

В интернете кто-то неправ

Это уже давно общее место – насмехаться над другими (а многие смеются и над собой), застукав за эмоциональными дискуссиями в комментариях в фейсбуке, на форумах, и где ещё там нынче виртуально дискутируют, не особо рискуя получить лопатой по условно красивому лицу.

На самом деле, ничего особо смешного тут нет. «В интернете кто-то неправ» – это и правда вполне серьёзный повод для озабоченности, потому что с тех пор, как возникла эта среда, позволяющая коммуницировать с кучей народу, включая тех, с кем никогда, ни при каких обстоятельствах не сложилось бы мясного румяного «реального» диалога, идёт непрерывная война. Не просто «война мнений», как принято считать, а стоящих за мнениями индивидуальных представлений о норме, о точках отсчёта, о порядке вещей.

Эта война не метафора, она действительно идёт. И она правда именно что война, в том смысле, что представляет собой активное (и агрессивное) перераспределение территорий – наших внутренних территорий, я имею в виду. Представления о норме – самый что ни на есть фундаментальный фундамент, и когда в него удаётся внести какие-то изменения, по швам трещит всё, что принято называть словом «личность», расплзается, а потом (если постараться, или хотя бы просто повезёт) отстраивается заново. Поэтому так неистово сражаются за свою правоту: за каждой правотой стоят представления о норме, добровольно менять которые – ну, скажем так, вава, бо-бо.

Неоднозначный, но очень интересный процесс.

(Ну и отдельно понятно, что всякий, кому удаётся изменить чужие представления о норме – это крайне редко получается в споре, обычно нужен личный пример, скажем так, действия из своей нормы, которые покажутся настолько привлекательными носителям других норм, что тем захочется тоже так уметь – так вот, тот, кто меняет чужие представления о возможном и допустимом, начиная с какой-то критической массы случившихся с его подачи изменений, действительно, по-настоящему меняет мир.)

В конце времён

Хорошо всё-таки жить в конце времён, заполненном всякими удивительными штуками, он иногда бывает столь прельстительно похож на начало каких-то других, новых времён, что дыхание перехватывает от волнения, как в детстве, когда сидишь в кинотеатре, и уже гаснет свет, и сейчас, вот прямо сейчас тебе покажут кино, после которого уже ничего не будет как прежде, и ты не будешь, как прежде, хоть убейся, а не сможешь снова стать человеком, никогда не видевшим этот фильм; с временами примерно та же байда, только уверенности в наступлении новых времён, пожалуй, поменьше, чем в киносеансе; думаю, зря.

В начале пути

Всё-таки удивительно, насколько острым может стать с годами (строго говоря, не с какими-то там формальными «годами», а с опытом) утраченное в момент условного (физического, гормонального) взросления и возвращённое силой (именно силой) ощущение самого начала пути.

Оказывается, если сорок лет водить себя по (ледяной, какой же ещё) пустыне без надежды однажды выйти, то есть, вообще без надежды, на энергии яростного отчаяния: фак вам, блядские людоеды, прежде, чем упасть, я сделаю ещё один шаг (это вечная программа-минимум – всегда, при любых обстоятельствах, любой ценой, во что бы то ни стало, делать ещё один шаг) – так вот, если водить себя сорок лет по пустыне на таких непростых условиях, дело даже не в том, что куда-нибудь выйдешь, а в том, что твоя ледяная пустыня согреется и зацветёт. Ну и будешь стоять, такая кукусинька, псевдосуровый воин, условный герой (читай – неудавшийся дезертир) всех безнадежных битв разом, как белка Рататоск на именинах, озираться по сторонам, вспоминать, где у человека та кнопка, которую нажимают, чтобы заплакать от счастья. Впрочем, хрен тебе кнопка, так и будешь стоять.

Это вообще поразительная штука – годами (на самом деле, десятилетиями) воспитывать в себе стойкость обречённого на поражение, потому что меня всерьёз парят только такого рода задачи, у которых в текущих условиях нет решения, для таких как я немислим «успех», потому что даже слабый намёк на «успех» – вне пределов человеческих возможностей, тем более, вполне скромных (как кажется изнутри) моих. И внезапно дойти до такой удивительной точки, из которой начинаешь видеть: кое-что таки получается. То есть, уже получилось. Вот прямо сейчас оно есть, и даже если завтра снова не будет, у меня уже было моё сияющее «вот прямо сейчас» – в самом начале пути.

В сторону от бессмертия

Человеческим существам, которые представляют собой интереснейшую конструкцию, где смертное и бессмертное сплелось в такой комок, что поди раздели, важно знать вот что. Социум не заинтересован в нашем бессмертии. Социум вообще не про это и не для того. Социум всегда стоит на страже интересов вида и навязывает каждой своей единице те варианты поведения, которые в текущую эпоху подходят для более-менее удачного размножения и выкармливания потомства, на этом всё. Какое, в жопу, персональное бессмертие? Возможность такой перспективы для индивида – катастрофа для социума. Ощущающий себя бессмертным неуправляем, он слишком мало боится, а любые покупающие послушание плюшки готов отложить на потом: когда у тебя впереди вечность, с плюшками вполне можно и погодить.

Из этого вытекает правило, очень простое, но очевидное крайне мало кому: всё, что предлагает нам социум, гарантированно уводит в сторону от персонального бессмертия (установления связи между смертной и бессмертной частями сознания; до установления этой связи бессмертны не мы сами, а «что-то такое там»). Гарантированно уводит в сторону, повторяю для невнимательных. А не просто «может в сторону увести».

Всем нам приходится отчасти повиноваться социуму ради физического выживания. Эту махину одним дурным нахрапом не победишь. Всё, что тут можно сделать – следить за собой, чтобы не сделать ни одного шага вверх

жизненно необходимой нормы. Чтобы не уйти по путям, которые предлагает нам социум, слишком далеко. И не слишком часто пить по дороге из луж в форме копытца. Жажда – неприятное ощущение, но её довольно подолгу можно терпеть.

Требования социума далеко не всегда неприятны. Некоторые – очень даже наоборот. Речь не о том, что лично мне (и кому бы то ни было) в этих требования нравится, а что – не особо. Речь только о том, куда это всё ведёт. В каком направлении. (В бездну, в адскую бездну! – хохочет мой внутренний Люцифер; он тролль, но по сути прав.)

Все предложения социума, включая культмассовые изводы религий, весь этот сладкий опиум-для-народа следует рассматривать именно в этом ракурсе: нравятся они нам или нет, они уводят в сторону от бессмертия. К бессмертию ведут только персональные, непроторенные, зачастую ошибочные (будете смеяться, это, по большому счёту, совершенно неважно) и очень одинокие пути.

Вижу цель – не вижу препятствий

В исламе существует легенда о Святом Георгии (он же Джирджис, Гиргис, Эль-Худи).

Согласно легенде, жил Георгий-Джирджис в те же времена, что и пророк Мухаммед. Аллах послал Георгия к правителю Мосула с призывом принять истинную веру, но владыка повелел казнить его. Георгия казнили, но Аллах его воскресил и послал обратно к правителю. Его казнили во второй раз, он воскрес и пришёл обратно. Его казнили в третий раз, труп сожгли и пепел бросили в Тигр. Однако Георгий-Джирджис восстал из пепла и вернулся, после (и вследствие) чего властитель и его приближенные были истреблены.

Только после третьего раза! Поразительное сочетание целеустремлённости и ангельского терпения, вот что я вам скажу. Всем бы нам с таким упорством по инстанциям ходить.

Вильнюс как пляж

Выйти ночью из дома – всё равно что нырнуть ночью в море. Тот же запах солёной влаги, та же прохлада, воздух плотный почти как вода, идёшь, как плывёшь, раздвигая его всем телом, думаешь: так не бывает, – и море, невидимое, тёмное, важно соглашается: да, меня не бывает. И город сразу такой – а вот можно подумать, меня бывает! Конечно, тебя не бывает, да и меня не бывает, нас всех таких замечательных не бывает, дорогой.

Иногда в ночном городе-море пахнет цветущей акацией; я теперь знаю, что это не глюк: повторно цветущую белую акацию мы с другом Р. своими глазами видели позавчера, в понедельник, во дворе по какому-то адресу, ну то есть, не по какому-то, а по совершенно конкретному. В смысле, он точно был, этот двор.

Ночью в городе столько народу, как будто завтра у всех выходной; всякая летняя ночь – ночь с пятницы на субботу, даже когда она – ночь с воскресенья на понедельник. Возле баров часто попадают люди в шортах и шлёпках, как будто и правда только из моря вылезли; хочется сказать, что у них на плечах мокрые полотенца, но нет, полотенца всё-таки в пляжных тряпичных сумках, которые пляжные люди носят с собой.

Ты же именно это любишь, – думает город, пока я плыву по его тёмным душистым улицам, то есть, с точки зрения постороннего наблюдателя, просто умеренно быстро куда-то иду. – Тебе же, собственно, нужно не море, а нечто недостижимое, чтобы вечно казалось – оно за ближайшим углом, ну ладно, за следующим, чтобы было рядом, манило, но в руки никогда не давалось – до того самого дня, когда ты плюнешь на эту погоню и скажешь: идите все в жопу, море – это здесь теперь я.

Бинго, – думаю я, и поднимаюсь к небу тяжёлой тёмной волной, пока не взаправдашней, а просто для тренировки, надо быть в форме, потому что если и правда однажды начну говорить такие глупости, за слова придётся отвечать. А больше ничего не успеваю подумать, потому что разлетаюсь на тысячи тысяч брызг.

Вина и ответственность

Люди часто путают вину и ответственность (и боятся брать на себя ответственность, потому что кажется, это первый шаг к тому, чтобы стать виноватыми). Но вина и ответственность не просто разные вещи, а, можно сказать, антонимы.

Вина – результат слабой позиции. Меня накажут, и правильно сделают, меня надо наказать, потому что я – плохой, плохой, плохой! Но если ощущать вину, может, не так сильно накажут, поэтому давайте её как-нибудь поострей ощущать. И другие пусть ощущают! Все плохие, все слабые, все в чём-нибудь виноваты, не только я; потому что если только я, это совсем страшно, это значит, я хуже всех, и меня могут убить – ну, грубо говоря, как-то так.

Короче, в фундаменте чувства вины всегда лежит страх. Иногда так глубоко, что не докопаться. Но есть признак, по которому сразу видно, что он есть: у виноватого силы убывают. Чем больше вины, тем слабее позиция. А тем, кто занимает слабую позицию, Небесная Канцелярия и собственный организм выписывают мало сил. Слабому больше не положено! Разумная экономия тут у нас.

Ответственность – результат сильной позиции. Я такой крутой, что от меня всё зависит. Ладно, не всё, а многое. Поэтому надо действовать. Делать вон то, и это, и так, и вот так. Звучит не очень, в описании ответственный выглядит как прислуга. А на самом деле, на территории своей ответственности он – царь.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/maks-fray/ne-meshki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)